

Научная статья

УДК 882

DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-292-301

**«Анна Каренина» – Ф. М. Достоевского.
Казус риторики**

Юрий Васильевич Шатин

Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск, Россия

Институт филологии

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Аннотация

Рассматривается особый случай риторики, при котором дискурс, изобретённый автором, получает над создателем иллюкативную власть и начинает диктовать речевые стратегии и нарративы, не согласующиеся с прежними интенциями и целиком меняющие представления автора о целях и задачах художественного целого. К числу таких случаев относится интерпретация образа Лёвина в восьмой части «Анны Карениной», представленная в «Дневнике писателя» Достоевского за 1877 г. Изобретённый Достоевским дискурс войны, положенный в оправдание русско-турецкой операции, вошел в противоречие с дискурсом непонимания войны, характерным для Толстого. Желание осудить позицию главного героя толстовского романа заставило Достоевского отказаться от главного принципа своего художественного мышления и поэтики, связанных с полифонией, и использовать приемы риторики, вызывающие сомнение с точки зрения их валидности.

© Шатин Ю. В., 2023

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 292–301

Critique and Semiotics, 2023, no. 2, pp. 292–301

Ключевые слова

«Дневник писателя», Анна Каренина, риторика, дискурс, нарратив, интерпретация

Для цитирования

Шатин Ю. В. «Анна Каренина» – Достоевского. Казус риторики // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 292–301. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-292-301

**“Anna Karenina” – of Dostoevsky.
The Incident of Rhetoric**

Yurii V. Shatin

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Abstract

The article considers a special case of rhetoric in which the discourse invented by the author gains illocutionary power over the creator and begins to dictate speech strategies and narratives that do not agree with previous intentions and completely change the author's ideas about goals and objectives of artistic whole. Among such cases is the interpretation of Levin's image in eighth part of “Anna Karenina”, which was reflected in Dostoevsky's “Diary of Writer” for 1877. The discourse of war inventing by Dostoevsky was used to justify the Russian – Turkish operation and thereby came into conflict with the discourse of misunderstanding of the nature of war, characteristic of Tolstoy. The desire to condemn the position of protagonist of Tolstoy's novel forced Dostoevsky to abandon the most principle of his artistic thinking and poetics associated with polyphony and use rhetoric techniques that are questionable from the point of the validity.

Keywords

“Diary of writer”, “Anna Karenina”, rhetoric, discourse, narrative, interpretation

For citation

Shatin Yu. V. “Anna Karenina” – of Dostoevsky. The Incident of Rhetoric. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 2, pp. 292–301. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-292-301

Риторика не открывает истин.
Она создаёт истины, которые требует
момент.

М. Розенгрэн

Начиная со времен Аристотеля риторика выделяет три компонента акта – оратор, текст, аудитория. В XX в. М. М. Бахтин дополнил аристотелевскую схему, введя понятие интеракции («диалога»), связанной со скрытой или явной реакцией на высказывания оратора. В XXI в. теоретики риторики всё больше склоняются к необходимости еще одного компонента полновесного риторического акта. Назовем этот параметр автогенностью, имея в виду, что дискурс, будучи изобретенным, получает власть не только над аудиторией, но и над самим создателем. Парадоксальным образом не только оратор управляет дискурсом, но и дискурс управляет оратором. В результате дальнейшая речемыслительная деятельность частично выходит за границы свободного пространства и начинает формировать самоё себя.

Цель настоящей статьи – показать действие автогенного процесса риторики на примере интерпретации Ф. М. Достоевским восьмой части «Анны Карениной» и – в более узком смысле – образа Лёвина в специально изобретенном для «Дневника писателя» 1877 г. дискурсе, подчинившем конкретные нарративы творения писателя.

Как известно, большинство наших современников искренне убеждены, что толстовский роман заканчивается гибелью главной героини, а весь роман про то, как Анна Каренина бросилась под поезд. Весьма симптоматично, что значительная часть первых читателей произведения разделяла, хотя и по иным причинам, это убеждение. Дело в том, что из восьми написанных частей романа журналом «Русский современник» были опубликованы семь, а именно журнальная публикация была основным текстом, доступным читателю. Седьмая часть действительно заканчивалась гибелью Анны.

Восьмая часть романа не попала в журнал по чисто политическим причинам и была опубликована отдельным изданием, но гораздо меньшим по сравнению с журнальной публикацией тиражом. Объявленная весной 1877 г. Россией война Османской империи разделила общественное сознание на две неравные группы. Большая часть не только одобряла войну, но и активно взывала к новой идеологии и новому дискурсу, оправдывающему эту войну. Меньшая часть относилась к войне достаточно прохлад-

но, а ещё меньшая осуждала насилие с обеих сторон. Хотя основной задачей боевых действий стало освобождение болгар и сербов от османского ига, сверхзадача операции мыслилась как полное поражение Османской империи и провозглашение Константинополя центром православного мира.

Буквально через несколько дней после объявления войны, в апрельской части «Дневника», Достоевский указывает: «Нам нужна эта война и самим, не для одних лишь братьев-славян, измученных турками. Поднимаемся мы и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышали и в котором мы задыхались, сидя в немощи растления и в духовной тесноте» (Достоевский, 1983, с. 95). В следующих фрагментах писатель возвращается к излюбленной теме. «Скорее мир, долгий мир звереет и ожесточает человека, а не война. Долгий мир всегда рождает жестокость, трусость

и грубый ожиревший эгоизм, а главное – умственный застой» (Там же, с. 101). И несколько ниже – как итог размышлений: «война укрепляет каждую душу сознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения всех членов, составляющих нацию» (Там же, с. 102).

Нельзя не отметить, что апрельская книжка «Дневника» 1877 г. – редчайший для Достоевского случай абсолютного монологизма и отказа от полифонии. Дискурс войны, изобретенный писателем, становится опцией, в соответствии с которой рассматриваются не только течение военных и политических событий, но и проблемы экономики, повседневной жизни, культуры, включая художественные произведения.

В отличие от Достоевского, дискурс войны оказался чужд Л. Н. Толстому, а патриотический порыв, охвативший разные слои российского общества, не вызывал у романиста никакого энтузиазма. За полгода до официального объявления войны, в начале сентября 1876 г., отправляясь в самарское имение, Толстой признаётся, что желал бы освободиться от надоевших ему «толков о черноговинцах и сербах, особенно оживлённых и определённых, потому что никто ничего не понимал и нельзя понимать». А возвратившись из поездки, пишет в письме А. А. Фету буквально следующее: «Поездка моя была очень интересна – отдохнул от всей этой сербской бессмыслицы; но теперь опять только и слышу и не могу даже сказать, что ничего не понимаю – понимаю, что всё это слабо и глупо» (Толстой, 1953, с. 287). Так, в творчестве двух крупнейших писателей

и мыслителей XIX в. обозначилась риторическая контраверза двух дискурсов – дискурса войны и дискурса непонимания.

Несмотря на то что балканский вопрос как бы надоел Толстому, он не смог пройти мимо него, сделав одними из центральных моментов восьмой части «Анны Карениной». Как раз дискурс непонимания позволил Толстому-художнику противостоять позиции Достоевского-мыслителя. Выходом из риторического казуса оказалась поэтика, связанная с фикциональностью, внедрением художественного вымысла в аналитический строй политического нарратива. Как заметил в свое время Р. Барт, «только в письме может быть открыто признан фиктивный характер самых серьезных, даже самых агрессивных видов речи, только в письме они могут рассматриваться с должной театральной дистанции» [Барт, 1989, с. 539].

Художественная изобретательность Толстого заключалась в том, что он умело распределил материал политического нарратива между двумя спорящими – Сергеем Ивановичем Кознышевым и князем Катавасовым – и сделал Лёвина, против его воли, участником завязавшейся дискуссии. При этом позиции обоих спорящих доведены до риторического предела и оказываются в одном шаге от карикатуры. При всей произвольности аксиоматики полемика строится на столкновении двух речевых тактик: *ad hoc* со стороны Катавасова, поклонника Спенсера, позитивиста, признающего, что «жил за границей, читал газеты и... ещё до болгарских событий не понимал, почему все русские так вдруг полюбили братьев-славян, а я никакой к нему любви не чувствую» (Толстой, 1982, с. 405), и *ad hominem* со стороны Кознышева, апеллирующего к состраданию. «Убивают братьев, единоверцев. Ну, положим, даже не братьев, не единоверцев, а просто детей, женщин, стариков; чувство возмущается, и русские люди бегут, чтобы помочь прекратить эти ужасы» (Там же, с. 404). Инструмент сострадания, которым пользуется искушенный в диалектике Сергей Иванович легализует политический нарратив, а через него и дискурс войны, столь умело поданный Достоевским в «Дневнике писателя».

На фоне завязавшейся дискуссии Толстой усиливает роль дискурса непонимания, адресовав его своему *alter ego* Лёвину. «Нет, мне нельзя спорить с ними, – подумал он, – на них непроницаемая броня, а я голый» (Там же, с. 408). Выходом из этой полемики для главного героя романа становится идея активного делания добра – здесь и сейчас – при отказе решить мировые проблемы на пчельнике при вкушении мёда. Эта мысль звучит в последнем предложении романа: «Жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо от всего, что может случиться со мной, каждая минута не только

не бессмысленна, какую была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я вложил в неё!» (Толстой, 1982, с. 416). Мог ли такой финал устроить автора «Дневника писателя»? Отрицательный ответ вполне очевиден. И Достоевский начинает реинтерпретацию романа, опираясь на уже созданный им дискурс войны.

Логика и риторика Достоевского в понимании романа «Анна Каренина» строятся прежде всего на разрыве единого текста на две части: известный большинству читателей вариант «Русского вестника» и отдельно изданной восьмой части, причем обе части оцениваются противоположным образом. При этом благодаря казусу риторики происходит своеобразная рокировка, полифония Достоевского превращается в монолог, а мастер монолога Толстой оказывается полифонистом. Власть дискурса побеждает индивидуальную манеру письма, делая обоих заложниками собственного дискурса.

Весьма вероятно, введя в восьмую часть «Анны Карениной» споры о славянском вопросе, Толстой стремился не только выразить свою точку зрения, но и обострить ситуацию, трансформировать дискурс непонимания в художественную структуру, снимая таким образом контраверзу двух спорящих точкой зрения главного персонажа. В то же время Достоевский, проецируя дискурс войны на структуру романа, оказался в затруднительном положении, стремясь одновременно признать художественное совершенство произведения, а с другой – решительно возразить Толстому.

Как отметил С. Л. Шараков, в «Анне Карениной» «религиозная проблематика ... мало заметна до тех пор, пока мы остаемся в границах художественного мира, но как только происходит выход в реальность и требуется дать оценку реальному событию – отношению к войне за свободу балканских стран – тут недостаточность значения буквы Евангелия проявляет себя со всей очевидностью» [Шараков, 2015, с. 215].

Безотносительно к политическому и / или религиозному контексту позиция, в которой оказался Достоевский, представляет теоретический интерес в плане соотношения поэтики и риторики. Поэтика, по крайней мере в рамках реалистического направления, стремится к катарсису, который, по утверждению Л. С. Выготского, основан на механизме взаимоуничтожения противоположности формы и содержания. Риторика, напротив, всякий раз сталкиваясь с реальностью, стремится к экстазису, т. е. к поглощению формы содержанием происходящего, запечатленного в изобретенном дискурсе. Интерпретация «Анны Карениной» Достоевским – яркая демонстрация этого процесса.

Сюжет интерпретации, связанный с образом Лёвина, начинается с эпизода выхода восьмой части, о которой Достоевский, будучи проездом в Москве, узнаёт от своего знакомого. «Самая невиннейшая вещь, какая только может быть! – отвечал он. – Совсем не понимаю, зачем “Русский вестник” не поместил её». «Книжку эту я купил и потом прочёл, и нашёл её вовсе не столь невинною» (Достоевский, 1983, с. 175).

Интерпретируя «не столь невинную» книжку Толстого, Достоевский прибегает к приему, который неоднократно будет использоваться критикой и публицистикой XX в., разделивших Толстого – слабого мыслителя и Толстого – крупного художника. «Лёвин, как факт, есть, конечно, не действительно существующее лицо, а лишь вымысел романиста. Тем не менее... этот романист изображает в этом идеальном, то есть придуманном, лице часто и собственный взгляд свой на современную нашу русскую действительность» (Там же, с. 193).

Облегчив благодаря указанному приему задачу полемиста, Достоевский начинает спорить уже с Лёвиным как реальной фигурой, а не с Толстым как автором романа. Теперь Лёвин обвиняется в отпадении от коллективной идеи большинства русского народа. «Говорю это, находясь в некотором горьком недоумении, потому что хотя многое из выраженного автором, в лице Лёвина, очевидно, касается собственно одного Лёвина, как художественно изображённого типа, но всё же не такого ожидал я от такого автора» (Там же, с. 194). Сомнительность такой аргументации делается очевидной, если спроецировать этот тезис на героев романов самого Достоевского, когда писатель отказывается от прямолинейных оценок сознания Раскольникова или позже Ивана Карамазова.

Разбор восьмой части «Анны Карениной» Достоевским подробно описан в работах современных исследователей, например в статье А. А. Казакова «“Защитники братьев-славян” и полемика о них в “Анне Карениной” Л. Н. Толстого и “Дневнике писателя” Ф. М. Достоевского» [2016]. Нас же в большей мере интересуют риторические стратегии Достоевского как следствия изобретенного дискурса войны, которые заставляют его постоянно колебаться между высокой оценкой первых семи частей толстовского романа («“Анна Каренина” есть совершенство как художественное произведение, подвернувшееся как раз кстати, и такое, с которым ничто подобное из европейских литератур в настоящую эпоху сравниться не может» (Достоевский, 1983, с. 200)) и не удавшейся, по мнению Достоевского, попыткой последней части представить Лёвина как идеального героя.

Легко заметить, как вторая и третья части июльско-августовского «Дневника» строятся по принципу нарастания аффективности в тех моментах, где Лёвин противопоставляется страдающим массам славянских народов, что ведет к замене анализа художественной структуры риторическими средствами политического нарратива. Как справедливо заметил Йенс Херльт, «у Достоевского связующим звеном между романом и реальным миром, как и между отдельными членами русского общества, является не “метонимическая ложь”, а аффективные факторы – воспоминание и сочувствие. Достоевский всячески стремится к стиранию границ между диегетическими планами... происходит своего рода “обмен” между литературным произведением и окружающим его реальным историческим миром. Эти нарративные приёмы вписываются в общую парадигму металеписа русского реалистического романа, где планы фикциональной и реальной действительности планомерно переплетаются» [Херльт, 2019, с. 54].

Наращение аффективности по мере движения политического нарратива сострадания во второй и третьей частях выпуска за июль – август 1877 г. приводит к тому, что прием риторической аналогии, сближающей судьбу южных славян с личной судьбой Лёвина, становится не только главным, но и единственным аргументом при приближении к финалу разбора. «Ведь у Лёвина самого есть ребёнок, мальчик, ведь он же любит его, ведь когда моют в ванне этого ребёнка, так ведь это в доме вроде события; как же не исковеркать сердце своё, слушая и читая об избитых массами, об детях с проломленными головами, ползающими около изнасилованных своих матерей, убитых, с вырезанными грудями» (Достоевский, 1983, с. 223). Пример, убийственный с точки зрения общечеловеческой, становясь аргументом, уничтожает принцип полифонии, а в более широком смысле – художественную структуру восьмой части «Анны Карениной».

Таким образом, для доказательства правоты Достоевскому пришлось использовать три риторических приема: во-первых, он разделил художественное целое на две части, дав им разную оценку; во-вторых, изъяв Лёвина из художественной структуры, он начал полемизировать с ним, как если бы он был не персонажем, а реальным человеком; наконец, в-третьих, он использовал аналогю, сравнив несопоставимые вещи: петлю социально-политической истории с судьбой частного человека. Тем самым автор «Дневника писателя» сузил пространство дискуссии до отдельно взятой картинки и лишил интерпретацию романа его глубинного смысла.

В итоге встает вопрос: была ли полемика Достоевского с Лёвиным, а через него и с Толстым, напрасной? Вряд ли. Она показала недостаточность риторического дискурса в понимании сложных коллизий реальности. Социально-политический контекст будущего славянских народов в составе Австро-Венгерской империи оказался иным в сравнении с тем, каким он представлялся Достоевскому в момент объявления войны и мобилизации. Победа «всемирной отзывчивости» России на поле боя оказалась колоссальным геополитическим поражением. В этом контексте отрицательный опыт риторики, которая, по мысли шведского неориторика М. Розенгрена, не открывает истин, но создает их применительно к данному моменту, стал более плодотворным, нежели одноразовый, пусть и очень сильный, эффект воздействия на массовое сознание. Казус риторики подтвердил, таким образом, право на свое существование.

Список литературы

Барт Р. Война языков // Барт Р. Избранные работы. Семиотика, Поэтика. М., 1989. С. 535–540.

Казаков А. А. «Защитники братьев-славян» и полемика о них в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого и «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 52–63.

Херльт Й. «На каком расстоянии кончается человеколюбие?»: Толстой и Достоевский в 1877 году: социальная эпистемология романа // НЛЮ. 2019. № 1 (155). С. 42–61.

Шараков С. Л. Роман «Анна Каренина» в восприятии Достоевского: символический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11, ч. 3. С. 212–218.

Список источников

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год. Январь – август. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. 470 с.

Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях. Части пятая – восьмая // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 20 т. М., 1982. Т. 9. 462 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Письма. М., 1953. Т. 62. 576 с.

References

Bartes R. Voyna yazykov [The war of languages]. In: Bartes R. Izbrannnye raboty. Semiotika. Poetika. Moscow, 1989, pp. 535–540. (in Russ.)

Herlt J. “Na kakom rasstoyanii zakanchivaetsya chelovekolubie?”: Tolstoy i Dostoevsky v 1877 godu: sotsial'naya epistemologiya romana [“At what distance does humanity end?”: Tolstoy and Dostoevsky in 1877: the social epistemology of the novel]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2019, no. 1 (155), pp. 42–61. (in Russ.)

Kazakov A. A. “Zashchitniki brat'ev-slavy” i polemika o nikh v “Anne Kareninoy” L. N. Tolstogo i “Dnevnik pisatelya” F. M. Dostoevskogo [“The defenders of Slavic brothers” and controversy about them in L. N. Tolstoy’s “Anna Karenina” and F. M. Dostoevsky’s “The writer’s diary”]. *Imagologia i komparativistika*, 2016, no. 1 (5), pp. 52–63. (in Russ.)

Sharakov S. L. Roman “Anna Karenina” v vospriyatii Dostoevskogo: simvolicheskiy aspekt [The novel “Anna Karenina” in the perception of Dostoevsky: symbolic aspect]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 11, pt. 3, pp. 212–218. (in Russ.)

List of Sources

Dostoevsky F. M. Dnevnik pisatelya za 1877 god [Diary of the Writer for 1877]. In: Dostoevsky F. M. Polnoe sobranie sochineniy. In 30 vols. Leningrad, 1983, vol. 25, 470 p. (in Russ.)

Tolstoy L. N. Anna Karenina: roman v vos'mi chastyakh. Chasti 5–8 [Anna Karenina. A novel in eight parts. Parts 5–8]. Tolstoy L. N. Sobranie sochineniy. In 20 vols. Moscow, 1982, vol. 9, 462 p. (in Russ.)

Tolstoy L. N. Polnoe sobranie sochineniy. In 90 vols. Pis'ma [Letters]. Moscow, 1953, vol. 62, 576 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Юрий Васильевич Шатин, доктор филологических наук, профессор

Information about Author

Yuri V. Shatin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 01.02.2023;
одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 10.03.2023
The article was submitted on 01.02.2023;
approved after reviewing on 10.03.2023; accepted for publication on 10.03.2023